

Научная статья
УДК 821.161.1.0 1-93/930.253
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-36-43
EDN: TFEDPH

Тема Пасхи в романе И. С. Шмелева «Лето Господне»

Елена Юрьевна Шестакова

Кандидат филологических наук, доцент Гуманитарного института филиала ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) Федеральный университет им. М. В. Ломоносова». 164500, Россия, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6

shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Аннотация. Основной целью настоящего исследования стало раскрытие особенностей художественного воплощения темы Пасхи в романе «Лето Господне» русского писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева. Задачами исследования являются рассмотрение пасхальной тематики в главах «Пасха», «Розговины», «На Святой», анализ образов и мотивов, сопровождающих тему Пасхи в избранных главах, исследование особенностей восприятия Пасхи героем-ребенком и взрослым повествователем. Полученные результаты показали, что роман «Лето Господне», созданный автором в эмиграционный период, содержит ностальгические мотивы. Повествование ведется от лица героя-ребенка, что определяет своеобразие раскрытия темы Пасхи, связанное с мотивами радости, счастья и полноты жизни. Ключевая идея произведения – торжествующий христоцентризм – вводит в текст образ живого Христа, присутствующего в земном и небесном пространстве. С этим представлением связан мотив природного оживления и образ весны, соотношенные с темой духовного возрождения людей и мира. В пасхальных главах романа представлен образ земного пространства, освященного и преображенного воскресшим Спасителем. Тема Пасхи включает в себя мотивы покоя, тишины и одновременно с этим радостной встречи человека с Богом. Образы света и золотого цвета, широко введенные в художественную структуру пасхальных глав, актуализируют значения святости, света, радости, духовной чистоты, вечной жизни, чуда. Образ-символ пасхального яйца соотносится с ведущими темами романа – воскресения, вечной жизни и бессмертия души. Образ «большой семьи», венчающий заключительную пасхальную главу произведения, понимается как образ русского народа, объединенного чувством христианской любви.

Ключевые слова: роман «Лето Господне»; Иван Сергеевич Шмелев; тема Пасхи; мотив; образ ребенка; образ русского народа; образ пасхального яйца

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Тема Пасхи в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 36–43. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-36-43>. <https://elibrary.ru/TFEDPH>

Original article

The theme of Easter in the novel «Summer of Our Lord» by I. S. Shmelev

Elena Y. Shestakova

Candidate of philological sciences, associate professor, Humanitarian institute at the branch of Northern (Arctic) Federal university. 164500, Russia, Severodvinsk, Captain Voronin st., 6

shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Abstract. The main purpose of this study is to explore the features of the artistic embodiment of the Easter theme in the novel «The Summer of Our Lord» by Ivan Sergeyevich Shmelev, a Russian writer of the first half of XX century. The objectives of the study are to examine Easter themes in the chapters «Easter», «Breaking the Fast», «On the Holy Day», to analyze the images and motifs that accompany the Easter theme in the chosen chapters, to study the specific perception of Easter by the child character and by the adult narrator. The results obtained show that the novel The Summer of Our Lord, created by the author in emigration, contains nostalgic motifs. The narrative is told from the point of view of the child character, which determines the uniqueness of the Easter theme, associated with motifs of joy, happiness and fullness of life. The key idea of the work – triumphant Christocentrism – introduces into the text the image of the living Christ, present in the earthly and heavenly space. This idea is associated with the motif of natural revival and the image of spring, correlated with the theme of the spiritual rebirth of people and the world. The Easter

chapters of the novel present an image of earthly space sanctified and transformed by the resurrected Savior. The theme of Easter includes motifs of peace, silence and at the same time a joyful meeting of man with God. The images of light and golden color, widely introduced into the artistic structure of the Easter chapters, actualize the meanings of holiness, light, joy, spiritual purity, eternal life, miracle. The image-symbol of the Easter egg correlates with the leading themes of the novel – resurrection, eternal life and immortality of the soul. The image of the «big family» crowning the final Easter chapter of the work is understood as the image of the Russian people united by a sense of Christian love.

Key words: the novel «The Summer of Our Lord»; Ivan Sergeevich Shmelev; Easter theme; motif; image of a child; image of the Russian people; image of an Easter egg

For citation: Shestakova E. Yu. The theme of Easter in the novel «Summer of Our Lord» by I. S. Shmelev. *Verhnevolski philological bulletin*. 2022;(3):36–43. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-36-43>. <https://elibrary.ru/TFEDPH>

Введение

Творчество русского писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) испытало период необыкновенного подъема, расцвета в эмиграционный период. С появлением романа «Лето Господне» (1927–1944) автор заявляет о себе как об оригинальном, самобытном художнике слова. Выдающийся русский философ и друг И. С. Шмелева И. А. Ильин считал, что «эта книга никогда не забудется в истории русской словесности и в истории самой России» [Ильин, 2009, с. 40].

Актуальность

Сегодня научное изучение творчества И. С. Шмелева получает широкое развитие и распространение. Современное шмелеведение нуждается в обогащении исследовательского осмысления вершинного произведения писателя – романа «Лето Господне».

Научная литература по теме включает наиболее значительные исследования русских философов и литературоведов, посвященных творчеству И. С. Шмелева: И. А. Ильин, М. М. Дунаев, И. А. Есаулов, А. М. Любомудров, О. Н. Сорокина. Вместе с тем следует отметить научные работы современных авторов, рассматривающих художественное своеобразие романа «Лето Господне»: Н. Б. Бугакова, Е. Б. Ляйрих, Т. А. Никонова, Е. В. Юденкова.

Методологией исследования стали историко-литературный, сравнительно-исторический, биографический методы.

Цель работы – раскрыть своеобразие художественного решения И. С. Шмелевым темы Пасхи в романе «Лето Господне». **Задачами исследования** стали: 1) рассмотрение пасхальной тематики в главах «Пасха», «Розговины», «На Святой»; 2) анализ образно-мотивного спектра темы Пасхи в указанных главах произведения;

3) раскрытие особенностей восприятия Пасхи героем-ребенком и взрослым автором.

Основная часть статьи

Особенной проникновенностью и тонким лиризмом наполнены в романе «Лето Господне» главы, объединенные темой Пасхи (главы «Пасха» и «Розговины»), размещенные в первой части «Праздники», и глава «На Святой», относящейся ко второй части произведения («Радости»), ставшие глубоко личным, поэтическим воспоминанием И. С. Шмелева о собственных детских впечатлениях о Светлом Празднике.

Пасхальные главы романа пронизаны радостным, светлым мироощущением героя-ребенка – семилетнего Вани: «Я просыпаюсь радостный», «<...> и – меня заливают радостью», «веселое все, пасхальное» [Шмелев, 1998, с. 55, с. 277]. В «Лете Господнем» И. С. Шмелев избирает определенный ракурс художественного повествования, когда «взрослый автор совершенно исчезает в ребенке» [Сорокина, 2009, с. 69]. Одновременно с этим в тексте глав находит отражение ностальгическая, печальная эмоциональная тональность, возникающая в редких авторских отступлениях: «Вот и вспомнил. И все-то они ушли <...>», «О, незабвенный вечер, гаснущий свет за окнами. <...> И теперь еще слышу медленные шаги, с лампадкой, поющий в раздумье голос: Ангели поют на не-бе-си-и <...>», «О, чудесный, далекий день!» [Шмелев, 1998, с. 57, 67]. При этом «голос» взрослого автора-повествователя выделяется внутри повествовательной структуры пасхальных глав отчетливо обозначенной христоцентричностью художественного мира.

Пасхальное мироощущение Вани определяется важнейшей концептуальной формулой: «<...> все во мне связывается с Христом» [Шмелев, 1998, с. 58]. И. С. Шмелев «от произведений 10-х годов, продолжающих, условно говоря, „демократическую“ линию русской литературы, переходит к совершенно иному мироощущению, ко-

торое можно назвать торжествующим христоцентризмом» [Есаулов, 1995, с. 20].

В особую сакральную общность героем-ребенком включаются вещи, предметы («иллюминация, свечи»), пасхальные яйца («вертящиеся яички»), духовная сфера человеческого бытия («молитвы»), люди живые («Ганька, старичок Горкин», отец) и умершие («<...> и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчишками про волхвов») [Шмелев, 1998, с. 58–59]. Так в текст входит тема вечной жизни и бессмертия души. Распятый и воскресший Господь Иисус Христос обещает неизбежную встречу Там всех, кто на земле любил друг друга, был связан родственными, семейными, дружескими узами.

Все, что совершается во время подготовки к Пасхе (очищают мостовую от льда, «Ганька полез на крест», «отец в Кремле лазит на колокольню», «барки брошены на реке, на якорях», «и плоты вчера подошли», «пауком» обметают потолки в доме, «двор чисто выметен, и все уголки подчищены, и под навесом даже, где был навоз») [Шмелев, 1998, с. 58], – делается ради Христа, все окутано Его благословляющей силой, везде проникает Его благодатный Свет.

Присутствие Христа ощущается Ваней «и в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде» [Шмелев, 1998, с. 56]. Божественный Свет рассеивает тьму, владевшую и человеческими душами, и разлитую в бытовом пространстве («Мне теперь ничего не страшно: прохожу темными сенями – и ничего, потому что везде Христос») [Шмелев, 1998, с. 56]. В пасхальные дни мальчик «открывает мир по-новому; обнаруживается новый мир, мир, насыщенный Божественной значительностью, священностью, святостью» [Ильин, 2009, с. 45].

Автор подчеркивает, что Христос «пришел в идиллический мирок домашнего двора» и этот «приход реализован именно сейчас, здесь, сегодня – в настоящем, „живом“ времени жизни героя» [Есаулов, 1995, 23]. Однако «для того, чтобы это произошло, необходимо мое (героя-ребенка – Е. Ш.) личное участие: черный крестик „от моей свечи“, убереженной мной и донесенной непогасшею из храма» [Есаулов, 1995].

Следует подчеркнуть, что в пасхальных главах романа «Лето Господне» раскрывается «живое, а отнюдь не просто символическое присутствие Христа, свойственное <...> именно православной традиции», что «придает шмелевским героям и шмелевскому космосу осмысленную

духовную жизнестойчивость» [Есаулов, 1992]. В детской душе утверждается «ощущение и сознание личного общения с Богом, с миром святости» [Дунаев, 2009, с. 190].

Повествование-воспоминание о пасхальных днях открывается в главе «Пасха» описанием пейзажной картины весны, оживающей после зимнего холода природы. Мотив природного оживления, тесно связанного с темой духовного возрождения людей и мира, входит в повествование через образы птиц: «Прошумели скворцы над садом, <...> прилетели и жаворонки» [Шмелев, 1998, с. 53]. Образы птиц здесь заключают семантику добра, счастья, начала, надежды, утра, весны. Птицы, связанные с небом как духовной сферой, приносят благовест о воскресшем Боге, дарующем каждому человеку возможность спасения. «Похороны льда» [Шмелев, 1998, с. 53] символически завершают власть зимы, холода, тьмы, смерти, и определяют начало весны, света, тепла, жизни. Весна и Пасха в восприятии героя-ребенка сливаются в единое целое, наполняя окружающее пространство сиянием, блеском, весельем, радостью («съезжает пролетка, сияя лаком», едет с «веселым стуком») [Шмелев, 1998, с. 53].

Все земное, обыденное пространство к Пасхе преобразуется. Можно отметить особую хронологическую структуру шмелевского текста, когда «время <...> не просто прорывается к вечности через густой, осязаемый быт, но и само является именно эхом православной вечности, освящающей каждое мгновение циклического земного года» [Есаулов, 1995, с. 23]. Ваня видит, как украшения появляются на цветах в магазинах («золотые колечки», «алые ленточки»), в булочных выставляются «белые колпачки на окнах с буквами «Х.В.», дом героя наполняется «ворохами роз пасхальных» [Шмелев, 1998, с. 54–55], размещаемых на домашних иконах, куличах.

Все и все радуются Спасителю, настоящему Празднику, который Он принес в грешный земной мир. Ваня обращает внимание, что «всегда на Пасху птицы особенно ликут» [Шмелев, 1998, с. 277]. Даже солнце, уподобляясь играющему ребенку, «пускает зайчики» [Шмелев, 1998, с. 56] в пасхальные дни. Мотив изобилия пронизывает пасхальные главы романа: двести «пасок» [Шмелев, 1998, с. 57] делает булочник Воронин. Благодать Господа проникает в человеческие сердца, сподвигая их на совершение благодеяний, добрых дел, проявление милосердия. Пасхальные куличи непременно делаются и

для бедных людей.

Мотив святости, актуализирующий тему сакральности земного бытия, настойчиво проникает в художественную ткань пасхальных глав. Розы, украшающие иконы, «пахнут священной» [Шмелев, 1998, с. 55]. Подобный запах исходит от можжевельника, воска, тополя («пахнет можжевельник священной», «священно пахнет горячим воском», «за окнами распустился тополь, особенный – духовой») [Шмелев, 1998, с. 278]. Обычный тополь, преображаясь в пасхальные дни, обретает качества «святости» («пахнет священной, ладанцем»), в восприятии героя-ребенка он становится «масличной веткой, которую принес голубь праведному Ною» [Шмелев, 1998, с. 278]. Писатель раскрывает, как «отверзаются духовные очи ребенка, – и он видит Бога» [Ильин, 2009, с. 46].

Соотнесение прошлого (детство, Россия, праздник Пасхи) и настоящего (зрелость, эмиграция) лежит в основе художественной природы, композиции пасхальных глав романа «Лето Господне». Взрослый повествователь «глядит» из настоящего, «видит» и «слышит» картины незабвенного прошлого: «Я его снова вижу, и голубую лужу, и новые доски мостика, и солнце, разлившееся в воде <...> Я снова слышу шорох еловых стружек, ход по доскам рубанков, стуки скворцов над крышей <...>» [Шмелев, 1998, с. 67]. Переходы от настоящего к прошлому постоянно сменяют друг друга, и эти перемежающиеся временные пласты обнажают ключевую для поэтики пасхальных глав тему смерти и воскресения. Тема отражает важнейшую особенность понимания И. С. Шмелевым течения времени – «живое и неуничтожимое присутствие прошлого в настоящем» [Есаулов, 1995, с. 23].

Дорогие образы умерших (отца Сергея Ивановича, наставника Михаила Панкратовича Горкина), как живые, проходят перед любящим взором взрослого повествователя, который сейчас, в настоящем, «видит» тихий пасхальный вечер, проведенный с отцом, зажигающим пасхальные лампадки. Пространство комнаты в детском восприятии преобразуется, наполняется «святым», «необыкновенным» [Шмелев, 1998, с. 60] пением пасхального тропаря родным человеком. Мотив света, являющийся основным в эпизоде, акцентирует значения любви, радости, красоты, тишины: «На душе у меня радостное и тихое», «Ну, до чего красиво!» [Шмелев, 1998, с. 60]. Свет, изливающийся от лампадок, осмысливается героем-ребенком «святой иллюминацией» [Шмелев,

1998, с. 60]. Он колористически разнообразен: «<...> и все, кроме одной, пунцовые. Малиновые огоньки спят – не шелохнутся. И только одна, из детской, – розовая, с белыми глазками, – ситцевая будто» [Шмелев, 1998, с. 60]. Благодатный свет сливается в детском сознании с запахом «душистого афонского масла» [Шмелев, 1998, с. 60], исходящего от пальцев отца. И пение отца, и свет лампад, и запах масла – все соединяется с образом Пасхи. По замечанию исследователя, «образ семьи, неотъемлемо связанной с православной религией, является для автора романа верным ее (русской жизни – Е. Ш.) устройством» [Ляйрих, 2008, с. 7].

«Мифологема смерти» (И. А. Есаулов) лежит в основе художественного мира пасхальных глав романа «Лето Господне». Мысли о неизбежности смерти сначала пугают маленького героя. Глядя на отца, зажигающего лампадки, мальчик со страхом думает: «<...> неужели и он умрет!» [Шмелев, 1998, с. 60]. Однако понимание, что воскресший Христос подарил возможность вечной жизни каждому человеку, согревает душу ребенка, дает надежду, что Там произойдет их встреча. В художественном пространстве произведения И. С. Шмелева «торжествует христианская философия надежды» [Есаулов, 1995, с. 23].

В восприятии Вани образ Горкина оказывается пронизан Божественным Светом, в результате чего любимый наставник уподобляется преподобному Сергию Радонежскому: «Маленькое лицо, сухое, как у угодничков, с реденькой и седой бородкой, светится, как иконка <...> Мне кажется, что он непременно будет преподобный, как Сергей Преподобный: очень они похожи» [Шмелев, 1998, с. 65]. Образ Горкина «смело можно поставить в ряд со знаменитыми героями русской классики» [Любомудров, 2009, с. 256]. Правда, отличает его от них «и историческая реальность (образ максимально приближен к прототипу вплоть до сохранения имени), и его *вера*» (курсив автора статьи) [Любомудров, 2009, с. 256].

Образ-символ пасхального яйца несет особую художественную функцию в формировании содержательной концепции глав романа, посвященных теме Пасхи. Он обретает значение неизбежного движения каждого человека к смерти, а значит, к Богу и вечности. Важнейшую семантику в пасхальных главах произведения заключают эпизоды, в которых повествуется о дарении сувенирных пасхальных яиц Ване отцом (глава «Пасха») и Горкиным (глава «Розговинь»). Пер-

вый эпизод открывается картиной, насыщенной обширной цветовой гаммой: «за розовыми и голубыми цветочками бессмертника и мохом <...>», «белоснежный Христос» [Шмелев, 1998, с. 63]. Образ золотого цвета сопровождает описание фарфорового яйца, подаренного Сергеем Ивановичем: «за стеклышком в золотом ободке» [Шмелев, 1998, с. 63]. Золотой цвет в данном контексте соотносится со значением святости, света, радости. Здесь задается и мотив чудесного, связывающего образ пасхального яйца и Господа Иисуса Христа: «Мреет в моих глазах – и чудится мне, в цветах, – живое, неизъяснимо-радостное, святое <...> – Бог? <...>» [Шмелев, 1998, с. 63]. Христоцентричность художественного мира выражается в этом эпизоде наиболее отчетливо. Христос, Его благодать, пронизывает все, даже сувенирный пасхальный подарок.

Своеобразие мотива чуда, включенного в художественную ткань пасхальных глав, определяется и особенностями мировосприятия героя-ребенка, и христоцентричностью образного воплощения мира в романе. Бог приходит на землю, через страдание и крестную смерть приносит спасение людям. И это сакральное событие вносит в бытовую, реальный хронотоп чудесное начало, когда священными, проникнутыми Божественной благодатью, становятся скворцы («Эти скворцы чудесные», «божьи скворцы»), «панорамка» в фарфоровом яйце («чудесная панорамка в нем»), еловый запах («пахнет чудесно елкой») [Шмелев, 1998, с. 63].

Праздник Пасхи в романе осмысливается амбивалентно. С одной стороны, пасхальные дни насыщены почти несмолкающим «трезвоном и гомоном» [Шмелев, 1998, с. 68]. Храмы наполняют Москву и Замоскворечье звоном множества колоколов, и его так много, что герою кажется, будто «с неба падает звон, от стекол, с крыш и сеновалов, от голубей, с скворешни, с распушившихся к Празднику берез» [Шмелев, 1998, с. 68]. Ваня сравнивает пасхальный звон с непрерывно льющейся водой. Все окружающие люди проявляют бурную радость, постоянно раздаются возгласы: «Христос Воскресе!» и при этом «трижды чмокаются» [Шмелев, 1998, с. 68]. Домашний двор заполняется народом, «всюду пестрят рубахи, <...> красные, розовые, желтые, кубовые, в горошек, малиновые, голубые, белые» [Шмелев, 1998, с. 68]. Цветовое многообразие здесь исполнено особым символизмом, выражает общенародное ликование, радость, восторг, упование счастьем жизни, благодарности Богу.

Вместе с тем сакрализация земного пространства, характерная для пасхальных дней, проявляется и в состоянии пронизывающей его особой тишины, покоя («Идем в молчании по тихой улице», «Тихо на улице», «Пасха будет спокойная») [Шмелев, 1998, с. 54–61]. Понимание тишины сопрягается с библейским толкованием: «<...> ибо так говорит Господь Бог, Святый Израилев: оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы; в тишине и уповании крепость ваша» (Ис. 30 : 15). И еще приведем цитату: «И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра [и там Господь]» (3 Царств. 19 : 11–12). Покой и тишина трактуются как пребывание мира и людей с Богом. Пасхальные дни оказываются пронизаны благодатной Божественной умиротворенностью, ладом, гармонией.

Образ света является ведущим, лейтмотивным в пасхальных главах «Лета Господня». Это и солнечный свет, блеск («<...> яркий день, так ударяет солнце, что я ничего не вижу, будто бы он растаял, – только слепящий блеск»), «яркое утро-солнце») [Шмелев, 1998, с. 277], разливающийся в земном мире, и Божественный Свет, принесенный Спасителем, который, в свою очередь, соотносится с образом золотого цвета. Маленький герой смотрит через «золотистое хрустальное яичко», подаренное Горкиным, и все становится «золотое, все: и люди золотые, и серые сараи золотые, и сад, и крыши, и <...> скорешня, <...> и небо золотое, и вся земля» [Шмелев, 1998, с. 69]. Золотой цвет определяет Божественное присутствие в земном хронотопе, выступает символом вечной жизни и духовной чистоты.

Красный цвет также сопровождает тему Пасхи в романе «Лето Господне». Красным Ваня называет звон церковных колоколов и сам Праздник («Пасха красная <...> Красен звон») [Шмелев, 1998, с. 62]. Образ «алого креста» [Шмелев, 1998, с. 61], наблюдаемого мальчиком, ассоциативно связывается с образом Христа. Символика красного цвета соединяет традиционное для православия представление о крови, смерти и жизни, мученичества, страдания, но одновременно с этим царственности, величия Бога.

Пасхальные главы романа включают белую («на белой церкви светятся мягко, как молочком, матово-белые кубастики»), розовую («розовые кресты меж ними»), зеленую и голубую цветовую гамму («зеленого и голубые звезды») [Шмелев, 1998, с. 54]. Каждый из них актуализирует широкую символическую семантику, отражающую понимание о «порядке и равновесии», «духовном центре», «пути духовного восхождения», «чистоте и небе», «свете, восхождении, откровении и прощении», «смерти и жизни» [Кирло, 2007, с. 462–470]. Зеленый, будучи символом жизни и Святого Духа, и голубой цвет, реализующий значение Царствия Небесного, соотносятся с образом неба и Бога. Как символ святости и духовности, белый, сопряженный с розовым – цветом детской чистоты и безгрешности, выражает авторское понимание внутреннего мира ребенка, являющегося воплощением духовной красоты и света.

Среди «индивидуально-авторских когнитивных признаков концепта Пасха в языковой картине мира И. С. Шмелева» особенно выделяется осмысление его «важнейшим христианским праздником, отмечаемым с особым размахом» [Бугакова, 2003, с. 1]. Сергей Иванович в пасхальный день непременно собирает большой стол, за который усаживаются он сам, слуги, постоянно живущие в доме, рабочие. Пасхальная трапеза требует соблюдения строгих обычаев: «Отец садится под „траспарат“». Рядом Горкин и Василь-Василич. Я с другой стороны отца, как молодой хозяин. И все по ряду» [Шмелев, 1998, с. 69]. Разноцветная, пестрая картина пасхального застолья дана с точки зрения героя-ребенка, наполняется визуальными («куличи и пасхи в розочках, без конца», «крашенные яички, разные, тянутся по столам, как нитки», «лужа играет скорлупою, пестрит рубахами», «пар от рубах идет»), обонятельными («пахнет колбаской жареной, жирным рубцом в жгутах»), акустическими образами («и все – трезвон») [Шмелев, 1998, с. 69]. Возникает образ «большой семьи», объединенный Христовой любовью, где «все родные», «все христосуются», а Ваню «все хватают, сажают на руки, трут бородой, усами, мягкими, сладкими губами» [Шмелев, 1998, с. 69]. В результате герой романа свой народ «разумеет священно» [Ильин, 2009, с. 46], осмысляет близкими по духу.

Образ «большой семьи» в представлении героя вбирает и «святителей», и русских правителей, и сторожей кремлевских соборов: «Горкин и

говорит, гробам-то: – Христос воскресе, благоверные цари-царицы Российские державы! Со святыми упокой вам» [Шмелев, 1998, с. 281]. Тема бессмертия и вечной жизни души, чрезвычайно важная в русле авторской художественной концепции пасхальных глав, получает целостное завершение в эпизоде посещения Ваней, Горкиным, Антипушкой, Домной Панферовной и Анютой московского Кремля. Особенное значение здесь получает образ-символ пасхального яйца, которое кладет Горкин и все, кто последовал его примеру, на гроб царя Ивана Грозного. В этом выражается народная оценка итогов правления кровавого государя, полного прощения его преступлений. Народ обращается к царю не как к умершему, а как к живому, и время не разделяет царя и народ.

Результаты исследования

Тема Пасхи в романе И. С. Шмелева сопровождается мотивами радости и счастья, собственными мироощущению героя-ребенка. Идея христоцентричности художественного мира определяет тематику и особенности воплощения образов в пасхальных главах. Сакрализация обыденного пространства, мотив его преображения соотносится с представлением о живом присутствии Христа в земном мире в пасхальные дни. В повествовании звучит мотив природного оживления, появляется образ весны, тесно связанный с темой духовного возрождения людей и мира. Ключевой для пасхальных глав образ света акцентирует значения любви, радости и красоты. Образ-символ пасхального яйца, интерпретированный в контексте христианской Вечности, сопрягается с ведущими темами пасхальных глав романа – воскресения, вечной жизни и бессмертия души. Амбивалентный характер темы Пасхи определяется мотивами благодатного покоя, умиротворения, тишины и одновременно радостного ликования всего тварного мира. Цветовая палитра образного ряда пасхальных глав содержит богатую символику, выражающую семантику святости, света, радости, духовной чистоты, вечной жизни, чуда. Образы отца и наставника сопрягаются с мотивами сакральности, освященности всего земного мира, включаются в тему воскресения и вечной жизни. Пасха в шмелевском романе осмысляется важнейшим христианским праздником, собирающим всех в единую «большую семью», вмещающую живых и умерших, простой народ и известных духовных, исторических деятелей, неразделимых в

чувстве христовой любви.

Заключение

Перспективой исследования может стать рассмотрение пасхальной тематики в других произведениях И. С. Шмелева.

Библиографический список

1. Бугакова Н. Б. К вопросу об индивидуально-авторской специфике лексической объективации религиозных концептов в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» (на примере концепта «Пасха») // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 11 (11). С. 107–12.
2. Дунаев М. М. Духовный путь И. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. Москва: Сибирская Благовонница, 2009. С. 171–197.
3. Есаулов И. А. Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции // Новый мир. 1992. № 10. С. 232–242.
4. Есаулов И. А. Поэтика литературы русского зарубежья: (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции) // И. А. Есаулов. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1995. С. 238–266.
5. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. Москва: Круг, 2004. 560 с.
6. Захарова В. Т. Поэтика прозы И. С. Шмелева. Нижний Новгород: Мининский университет, 2015. 106 с.
7. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. Москва: Скифы, 1991. 209 с.
8. Ильин И. А. Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. Москва: Сибирская Благовонница, 2009. С. 40–48.
9. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
10. Лучина Е. Концептуализация грецизма православного дискурса лампада (на материале творчества И. С. Шмелева) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. вып. 3. С. 31.
11. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
12. Любомудров А. М. Богоищущая душа // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. Москва: Сибирская Благовонница, 2009. С. 227–282.
13. Ляйрих Е. Б. Православие как основа существования русской действительности в автобиографическом романе И. С. Шмелева «Лето Господне» //

Альманах современной науки и образования. 2008. № 2 (9). Ч. 1. С. 135–137.

14. Никонова Т. А., Юденкова Е. В. Духовная ценность быта в книге И. Шмелева «Лето Господне» // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2015. № 4. С. 49–52.

15. Солнцева Н. М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество: жизнеописание. Москва: Эллис Лак, 2007. 510 с.

16. Сорокина О. Н. Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. Москва: Сибирская Благовонница, 2009. С. 60–87.

17. Сотков В. А. Специфика образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелева (на материале диалогии «Лето Господне» и «Богомолье») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8–16 (62). 2016. С. 57–61.

18. Спиридонова Л. А. Художественный мир И. С. Шмелева: монография. Москва: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

19. Шешунова С. В. Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын. Дубна, 2006. 42 с.

20. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Богомолье. Романы. Рассказы. Москва: Русская книга, 1998. 560 с.

Reference list

1. Bugakova N. B. K voprosu ob individual'no-avtorskoj specifike leksicheskoj ob'ektivacii religioznyh konceptov v romane I. S. Shmeleva «Leto Gospodne» (na primere koncepta «Pasha») = On the individual author's specificity of the lexical objectification of religious concepts in Ivan Shmelev's novel «The Year of Grace» (on the example of the concept «Easter») // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Serija Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2013. № 11 (11). S. 107–12.
2. Dunaev M. M. Duhovnyj put' I. Shmeleva = I. Shmelev's spiritual way // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominanija. Moskva: Sibirskaja Blagovonnica, 2009. S. 171–197.
3. Esaulov I. A. Prazdniki. Radosti. Skorbi. Literatura russkogo zarubezh'ja kak zavershenie tradicii = Holidays. Joys. Sorrow. Literature of the Russian diaspora abroad as the completion of tradition // Novyj mir. 1992. № 10. S. 232–242.
4. Esaulov I. A. Pojetika literatury russkogo zarubezh'ja: (Shmelev i Nabokov: dva tipa zavershenija tradicii) = Poetics of the Russian emigration literature: (Shmelev and Nabokov: two ways to complete the tradition) // I. A. Esaulov. Kategorija sobornosti v russkoj literature. Petrozavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet, 1995. S. 238–266.
5. Esaulov I. A. Pashal'nost' russkoj slovesnosti = Easter in Russian literature. Moskva: Krug#, 2004. 560 s.

6. Zaharova V. T. Pojetika prozy I. S. Shmeleva = Poetics of the prose by I.S. Shmelev. Nizhnij Novgorod : Mininskij universitet, 2015. 106 s.
7. Il'in I. A. O t'me i prosvetlenii. Kniga hudozhestvennoj kritiki : Bunin, Remizov, Shmelev. = On the darkness and the enlightenment. The book of literary criticism: Bunin, Remizov, Shmelev. Moskva : Skify, 1991. 209 s.
8. Il'in I. A. Pravoslavnaia Rus'. «Leto Gospodne. Prazdniki» I. S. Shmeleva = Orthodox Russia. «The Year of Grace. Holidays» by I. S. Shmelev // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominanija. Moskva : Sibirskaja Blagozvonnica, 2009. S. 40–48.
9. Kirlo H. Slovar' simvolov. 1000 statej o vazhnejshih ponjatijah religii, literatury, arhitektury, istorii. = Dictionary of Symbols. 1000 entries on the most important concepts of religion, literature, architecture, history. Moskva : ZAO Centropoligraf, 2007. 525 s.
10. Luchina E. Konceptualizacija greckizma pravoslavnogo diskursa lampada (na materiale tvorcestva I. S. Shmeleva) = Conceptualizing the Greekness of the Orthodox discourse of the lamp (based on I. S. Shmelyov's works) // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija. Filologija. Zhurnalistika. 2011. T. 11. Vyp. 3. S. 31.
11. Ljubomudrov A. M. Duhovnyj realizm v literature ruskogo zarubezh'ja : B. K. Zajcev, I. S. Shmelev = Spiritual realism in the literature of the Russian emigration: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2003. 272 s.
12. Ljubomudrov A. M. Bogoishhushhaja duša = The God-seeking soul // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva : stat'i, ocherki, vospominanija. Moskva : Sibirskaja Blagozvonnica, 2009. S. 227–282.
13. Ljajrih E. B. Pravoslavie kak osnova sushhestvovanija ruskaj dejstvitel'nosti v avtobiograficheskom romane I. S. Shmeleva «Leto Gospodne» = Orthodoxy as the basis for Russian reality in I.S. Shmelev's autobiographical novel, The Year of Grace // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2008. № 2 (9). Ch. 1. S. 135–137.
14. Nikonova T. A., Judenkova E. V. Duhovnaja cennost' byta v knige I. Shmeleva «Leto Gospodne» = Spiritual value of everyday life in I. Shmelev's book «The Year of Grace» // Vestnik VGU. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2015. № 4. S. 49–52.
15. Solnceva N. M. Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorcestvo: zhizneopisanie = Ivan Shmelev. Life and work: a biography. Moskva : Jellis Lak, 2007. 510 s.
16. Sorokina O. N. Tvorcheskij put' I. S. Shmeleva v jemigracii = The creative evolution of I. S. Shmelyov in exile // Duhovnyj put' Ivana Shmeleva : stat'i, ocherki, vospominanija. Moskva : Sibirskaja Blagozvonnica, 2009. S. 60–87.
17. Sotkov V. A. Specifika obraza geroja-pravednika v tvorcestve I. S. Shmeleva (na materiale dilogii «Leto Gospodne» i «Bogomol'e») = Specificity of the righteous hero image in I. S. Shmelyov's works (based on the dilogy «The Year of Grace» and «Prayer») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 8–16 (62). 2016. S. 57–61.
18. Spiridonova L. A. Hudozhestvennyj mir I. S. Shmeleva = I.S. Shmelev's artistic world : monografija. Moskva : IMLI RAN, 2014. 240 s.
19. Sheshunova S. V. Nacional'nyj obraz mira v ruskaj literature : P. I. Mel'nikov-Pecherskij, I. S. Shmelev, A. I. Solzhenicyn = The national image of the world in Russian literature: P.I. Melnikov-Pechersky, I.S. Shmelev, A.I. Solzhenitsyn. Dubna, 2006. 42 s.
20. Shmelev I. S. Sobranie sochinenij = Collected works : v 5 t. T. 4. Bogomol'e. Romany. Rasskazy. Moskva : Russkaja kniga, 1998. 560 s.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 11.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.